

ГЛАВА 1

Даже погода в том, 1942 году поблажек не давала. Уже с мая луга изнывали от летнего зноя. Высокая трава, размякнув на солнце, клонилась, сохла и никла до земли. Поодаль, над сумеречной котловиной пруда, курился тонкими полосками туман; да и сам дом, с его розовым морщинистым фасадом, сомкнутыми, словно над тайной, ставнями второго этажа и в изумлении отверстыми застекленными дверьми первого, — сам дом уподобился старушке, сомлевшей от прихлынувшей неопределенности.

Шел уже десятый час; уповая на прохладу, кофе накрыли в саду перед ступеньками крыльца, но свет был таким ярким, а воздух таким теплым, что казалось, стоит полдень и лето в разгаре.

— А ведь еще только май! — сокрушенно произнес Шарль Самбра. — Что же будет в августе?

И кинул прямо перед собой окурок; его короткий и неотвратимый полет как бы предвосхитил для Шарля их будущее, однако, откинувшись в кресле-качалке, Алиса Файат проводила взглядом летящую в никуда и на гравий горящую сигарету безо всякой тревоги, оттого что брошена она была могучим жестом. От темневшего на фоне вечернего света силуэта мужчины и его энергичного движения веяло жизнью, а никак не роком: чуть раскосые карие глаза, полные губы и мясистый нос Шарля Самбра, хотя и обрамленные и оттененные на удивление черными и на удивление тонкими бровями и волосами, приличествующими более женщине или какому-нибудь Валентино, не таили в себе, несмотря на несколько старомодный стиль ловеласа девятисотых годов, ничего тревожного, ни даже пророческого. Ни даже раздражающего, что удивительно, подумала Алиса. И правда, бьющее через край здоровье и жизнелюбие этого человека почему-то не раздражали ее своей несвоевременностью и слепотой, постыдными в том мае 1942-го. Даже если в принципе и возмущало ее полнейшее его безразличие к судьбе отечества,

существовало определенное согласие, о каком и помыслить-то гадко, и в то же время разительное, очевидное между этим человеком и запахом его дома и луга, линией топей, холмами, такое согласие, которое могло бы примирить — если бы она хоть на миг могла себе подобное представить — великолепные речи Петена, окрашенные в цвета национального триколора, и его же — «зеленые», о возврате к земле. Алисе на мгновение почудился степенный зычный голос старика, а за ним исступленный вопль маньяка, она заморгала, откинула голову назад и инстинктивно повернулась к Жерому.

Жерома, как видно, тоже сморило от запаха разогретой травы. Он закрыл глаза, светлые пряди волос едва различались на усталом, беззащитном, раненом и напряженном лице. Жером... Ему она сегодня была обязана всем, включая и эту траву, и усеянное звездами небо, и неожиданную возможность расслабиться; всем, даже и тем безотчетным и сомнительным удовольствием, той безотчетной тоской, какую вместе со стыдливой робостью внушало ей сугубо мужское обаяние друга детства Жеро-

ма, этого Самбра, к которому они нагрянули в тот день безо всякого предлога, благо дружба в таковых не нуждается.

Она заморгала и тряхнула головой, чтобы привлечь внимание Жерома, и не сразу осознала, что он тоже давно смотрит на нее широко открытыми глазами. По отношению к нему Алисе случалось впадать в эдакую близорукость, что представлялось ей проявлением не то ее собственного эгоцентризма, не то его, Жерома, легкого нрава. За спиной у них как-то по-чуждому запела птица, и Шарль рассмеялся.

— Поет, как извозчик, — пошутил он. — Мне всегда кажется, что она ругается неприличными словами. Ведь правда? В ее руладах — ни романтики, ни изящества. Даже ярость какая-то слышится, и это меня смешит.

— Верно, — отвечала Алиса поначалу из вежливости, а после заинтересованно, так как замечание не лишено было меткости. — Может, это утренняя птица: сбилась со времени, вот и злится?

Да почему они здесь, она, Жером? Почему разглагольствуют о пении дурацкой птички с этим бедолагой, хозяином обувной фабрики в провинции Дофине?

— Я вас прескверно угощаю, — констатировал Шарль тоном, в котором не слышалось и тени беспокойства и оттого чутили не циничным.

Этому человеку, похоже, ни в коей мере не доступны стеснение и укоры совести, подумалось Алисе; но она, ненавидевшая самомнение и даже просто душевную успокоенность столичных и провинциальных фатов, зазнаек, самонадеянных весельчаков, почему-то улыбалась, вспоминая, как Шарль был ошеломлен и восхищен их появлением и как рискованно управлялся на кухне с нечаянной яичницей. С тех пор прошел уже час — целый час! — а отзвук его смеха лишал ее, по крайней мере на тот вечер, всякой способности критически мыслить. В сущности, он был попросту добрым парнем — редкое по тем временам качество, столь же старомодное, как и его наружность, но оно-то, во всяком случае, пригодится для осуществления ее с Жеромом планов. А в доброте Шарля Алиса не сомневалась: она читалась на его лице, угадывалась во всем его поведении. Красивый мальи́й, но сверх того еще и добрый. В точности как его описывал Жером. И снисходительность, которую она уловила тогда

в голосе Жерома, вдруг показалась ей несправедливой и неуместной. В конце концов, будь этот Шарль Самбра хоть сто раз бабником, простаком, ограниченным материалистом, убаюканным в своей прекрасной Франции, он рисковал благодаря сегодняшним своим гостям в один прекрасный день оказаться поставленным к стенке или замученным палачами-садистами, сам не зная ради чего. И хотя недопустимо, недозволительно было объяснять ему, «чего ради», не удостоверившись предварительно, что данную цель он и они понимают одинаково, Алиса вдруг почувствовала себя бесчестной осквернительницей векового, священного гостеприимства... Она на мгновение ощутила себя волком в овчарне, но тут вдруг поймала неотрывно устремленный на ее собственное тело влажный взгляд карих глаз овечки по имени Шарль Самбра, и от этого взгляда она разом позабыла о своей роли большого злого волка.

— О чем ты говоришь! — запротестовал Жером. — Яичница была просто потрясающая. В Париже, дружок, такую с руками бы оторвали!

— Ты не преувеличиваешь? — спросил Шарль не без иронии. — Со снабжением,

я думаю, все наладится, — добавил он. — Немцы, они, знаешь, чертовски организованный народ.

— Ты так полагаешь? — Голос Жерома звучал рассеянно, будто издалека, и чуточку насмешливо.

Итак, он уже приступил к дознанию, устало подумала Алиса. Сразу к делу; не мог подождать один вечер, один-единственный вечер обойтись без всего этого? И сотни кадров, прыгающих, плохо освещенных, вереницей проплыли под ее опущенными веками: двери жалких гостиниц, темные улочки, перроны вокзалов, временные квартиры, едва распакованные чемоданы — грустные, грязные, безымянные картины, мизерабилистские, с неизменными острыми углами, одним словом, картины Сопrotивления, казавшиеся здесь, на этой округлой поляне, под выпуклым небом, на фоне волнистой линии тополей, еще чудовищней. На глаза у Алисы навернулись слезы. Зря они сюда приехали. Не следовало останавливаться, отдыхать, надо было бежать дальше, от угла к углу, от подъезда к подъезду, петляя, падая на ходу. Ни в коем случае нельзя было расслаб-

ляться здесь, где земля так покойна и кругла, в присутствии этого мужчины, у которого такая округлая шея, округлая и прямая, как те пресловутые березы и шеи, что описала одна чувственная женщина в своих изысканных романах. Шея прямая и загорелая под черными нестриженными волосами — волосами брошенного мужчины, подумалось ей вдруг.

— Шарль, вы не женаты? — спросила она чуть ли не с тревогой, скорее даже не спросила, а услышала свой собственный вопрос и покраснела в темноте, возненавидела себя смертельно за любопытство, за вопрос, который Жером, кстати, — намеком, третьего дня, — не советовал ей задавать, возненавидела еще и за свое глупейшее умиление, нелепое по отношению к этому жалкому провинциальному соблазнителю, с нескрываемым самодовольством безмятежно наслаждающемуся своей холостяцкой жизнью. К этому фабрикантишке, находившему, что немцы очень организованный народ, что Франция ест досыта, а ее, Алисы, тело весьма аппетитно. Полагавшему, что все к лучшему в этом лучшем из миров.

— Жена меня бросила, — ответил Шарль, не глядя на Алису. — Она живет сейчас в Лионе. Я не очень хороший хозяин, но у меня есть Луи и его жена Элиза, она приходит стряпать каждый день, кроме воскресенья... потому-то ужин и был таким отвратительным. Если бы вы меня предупредили...

— Помилуйте, — пробормотала Алиса, вжавшись в кресло, чтобы скрыть заливавшую ее лицо краску, — я ж не про яичницу, я...

— Я понимаю, — сказал Шарль, — понимаю прекрасно. — И улыбнулся смущенно, но как бы и поощряюще, что окончательно повергло Алису в смятение.

— Простите меня, — проговорила она, вставая, — я совсем засыпаю, говорю сквозь сон, не знаю, право. Ужин был великолепен, но я должна лечь, я с ног валюсь, поезд шел бесконечно долго. Двадцать четыре часа мы ехали, да, Жером?

Молодые люди поднялись словно по команде, однако Жером, неуклюжий, как всегда, зацепился за кресло, в результате чего Шарль, подтянутый и трепещущий, очутился возле Алисы первым — как в аме-

риканской комедии, внезапно развеселившись, подумала она, наблюдая за двумя не сводящими с нее глаз мужчинами, и, чтобы скрыть смех, круто повернулась к дому.

— Я покажу вам вашу комнату, — сказал Шарль, — или нет, пусть это сделает Жером, он лучше моего сумеет вас устроить; к моему удовольствию, он знает мой дом, как я сам. — Шарль положил руку на плечо подошедшего к ним Жерома, который подоспел, прихрамывая. — Но к моему великому сожалению, он лучше меня знает, что вы любите, — добавил он с неожиданным и старомодным изяществом и, отступив на шаг, изогнулся перед Алисой, не прикладываясь, однако, к руке, в сухом и каком-то отстраненном поклоне, показавшемся вдруг молодой женщине гораздо более эротичным, нежели самое продолжительное и страстное целование рук. Желая сохранить самообладание, она улыбнулась ему в лицо и встретила взгляд его карих, таких мужских и таких ребяческих глаз, в сущности, взгляд животного, напрочь лишенный как двусмысленности, так и наглости.

Такой взгляд, насколько ей помнилось, она видала только у охотников до женского

пола; в ранней юности ей доводилось встречать на пляже мужчин, в которых все — и поведение, и взгляд — откровенно и невозмутимо говорило о безудержном желании обладать женщиной и выдавало скуку и глубокую неприязнь по отношению к собратьям по полу. Она знавала двух или трех подобных джентльменов, необыкновенно красивых, спокойных, воспитанных, сдержанных, иной раз совсем неприметных, из-за которых женщины умирали и кончали самоубийством, притом что никогда и никто, включая и самих страдалиц при их жизни, не мог упрекнуть этих обольстителей в жестокости. Искушители эти не водили дружбы с мужчинами, их не влекли ни спорт, ни карты, ни другие пороки. Для них единственными обитателями планеты были, без сомнения, женщины: женщины, которых они любили и которых бросали, за счет которых иные из них жили — преспокойно, не зная стеснения и не корысти ради. Но только эта праздношатающая разновидность, подробно описанная у Колетт, давным-давно перевелась, а ее потомки, если таковые существовали, наверняка не изготавливали башмаков в окрестностях городка Роман.

— Нет-нет, — возражал Жером, — это твой дом — ты сам и покажи его Алисе. Помоему, ей придется по вкусу спальня в бледно-желтых тонах. Я зайду к вам через несколько минут, Алиса, — продолжил он, понизив голос, — пожелать вам спокойной ночи, если будет еще не слишком поздно и я вас не побеспокою.

Вместо ответа она улыбнулась. И, разомлев от усталости и неги, шагнула в разливавшийся по дому запах сушеных фруктов и воска, запах, который, она полагала, уже навсегда исчез из ее жизни. Вслед за Шарлем, который церемонно и безмолвно выступал впереди нее неторопливым шагом, заложив руки за спину, будто гид или агент по недвижимости, она прошла через большую залу, по-видимому гостиную, где на полу красовались шкуры пантеры с протертыми боками и стеклянными глазами, а по стенам — косо повешенные, сочащиеся киноварью портреты; затем через вестибюль, потом по лестнице, где дремали не потревожившиеся при их появлении охотничьи собаки. Потом наконец она достигла порога огромной квадратной спальни, по стенам которой вяли крупные розовые цветы, вымученные и блеклые, обрамляя широчен-

ную, накрытую стеганым одеялом ручной работы кровать, предназначенную для роженицы или для медового месяца. Но поначалу она увидела только полыхающий жарко, словно в разгар зимы, огонь в камине и бросилась к нему. И еще Алиса, больше всего на свете любившая живой огонь летом, распахнутые двери балконов зимой и купание в озерах под осенним дождем, бросила на хозяина дома — рикошетом, через зеркало, висевшее над камином, — заинтригованный взгляд: после ужина он отлучился всего на несколько минут, и, оказывается, именно для того, чтобы развести огонь, и именно в той комнате, которую Жером рекомендовал Алисе в самую последнюю минуту. Шарль смотрел на нее, она видела его силуэт у порога — видела отражение, — его подтянутую фигуру с заложенными за спину руками и, главное, взгляд, неторопливо скользнувший по комнате, окнам, огню, кровати, блистающему паркету, взгляд собственника, пресыщенного знатока, — этот взгляд остановился на ней, не изменив своего выражения до тех пор, пока не встретил в зеркале ее собственный: тут он моргнул. Она резко обернулась, в смущении и раздражении оттого, что он подсмотр-

рел, как она за ним подсматривает, в приливе враждебности и даже злобы при мысли о том, что их заранее разработанные планы и шуточные прогнозы Жерома оказались такими верными, а его советы — излишними. И еще злило то, что теперь, когда она в кои-то веки рассчитывала быть полезной и желала этого, отведенная ей роль выходила такой незначительной или, по крайней мере, так мало от нее зависящей. В ней закипал старинный, давно позабытый гнев, извечный бунт женщины-вещи; желание этого мелкого буржуа, собственника, безмятежно-счастливого, довольного своей мебелью, своими домами, фабриками, любовницами, его взгляд, осмеливающийся и ее заранее причислить к предметам первой необходимости и роскоши, неожиданно привели ее в бешенство. Стой он ближе, она б его ударила. Но Шарль Самбра, не говоря ни слова, точно кто его предупредил, предостерег, широкими шагами пересек комнату, распахнул окно, раскрыл ставни и, высунув голову наружу, не оборачиваясь даже, произнес: «Глупость, конечно, но вы непременно должны это увидеть: сегодня, знаете, полнолуние. Потрясающее зрелище. Не забудьте посмотреть и загадать желание.

И воздухом подышать», — уже ретировавшись к двери, добавил он, точно они весь вечер провели в подвале, а не в саду.

Алиса Файат заснула сразу после его ухода, позабыв и взгляд, и зеркало, и как она попала в эту комнату. В середине ночи, полупроснувшись, она вспомнила только крупного мужчину с большими руками, широким жестом распахнувшего ставни в черноту листвы, вырисовывавшейся на трепещущем темно-синем небе. И еще вспомнила, что на секунду мир пошатнулся от его руки, его голоса, смеха, его скромности и что она сама, Алиса, пошатнулась вместе со ставнями и опрокинулась в Млечный Путь, в тихую ночь, в сон и безопасность. Они с Жеромом уже год как скрывались. Весь этот год она боялась и презирала себя за это. И вот теперь, стоя на скрипучем полу сельской спальни и слыша, как шуршит в ночи гравий под мохнатыми лапами собак, она на мгновение забыла, как хрустит гравий под сапогами и как однажды на рассвете захрустит, быть может, и здесь.

— Твоей приятельнице, похоже, дом понравился, — сказал Шарль, усаживаясь в кресло напротив Жерома: в опустившемся сумраке он различал теперь только его